

их наместничество. Поморье даже до Сибири составляло пределы республики. Другие правила, другие чувствования, неизвестные в прочей России, не покровительствуемые никаким превосходным градоначальником, уступили власти Иоаннов...»³³

Для уточнения взглядов Муравьева на Новгород необходимо рассмотреть его отношение к проблеме сравнительных достоинств и недостатков различных способов правления.

Непререкаемым авторитетом в России в те годы пользовалась классификация способов правления и их оценка с точки зрения моральных критериев, разработанная Монтескье в «Духе законов». Муравьев тоже усвоил именно эту классификацию, о чем свидетельствует его уже упоминавшаяся статья «Черты правоучения» (1789). Но при рассмотрении этой проблемы необходимо учитывать, что в понятие республики разные просветители вкладывали разный смысл. Следует отметить, что, по мнению современного французского ученого Ж. Варло, в трактате Монтескье, «несмотря на ясно выраженное предпочтение монархическому режиму английского типа, республиканский режим исследован с большим вниманием, интересом, симпатией, чем монархический, он предстает под пером Монтескье как идеальный режим, который несет с собой счастье народам».³⁴ Представление о республике как о прекрасной утопии усвоил, в частности, Карамзин.³⁵

В этой связи крайне интересна статья Муравьева «Полезны и затруднены государственного знания». Муравьев прямо полемизирует именно с утопически-республиканскими идеями: «Целый народ ученых или прелводителей не может существовать нигде, кроме в воображении. Многие из них (древних, — *И. Ф.*) начертали, как Платон, по изволению, вымысленный образ самого лучшего правления. Ликург более сделал: он превратил граждан своих в другой народ, в умствовании созданный» (II, 191—192).³⁶

Муравьев, не ставя под сомнение мысль о превосходстве республиканского способа правления, усвоил идеи тех французских просветителей, которые считали, что такое правление возможно только при наличии самоотверженного правителя — законодателя и добродетельной народной массы.

С точки зрения этих представлений, Новгородская республика была обречена: «В недре его самого (Новгорода, — *И. Ф.*) таились вредные начала разорения: безначалие буйной черни и алчность сильных» (II, 6). Здесь сказалось отчетливое влияние Мабли, который опасался и неограниченного деспотизма и пря-

³³ ГПБ, ф. 499, Муравьев М. Н., № 70, л. 8.

³⁴ Варло Ж. Монтескье. — Вопросы философии, 1953, № 5, с. 128.

³⁵ См.: Лотман Ю. М. Поэзия Карамзина. — В кн.: Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотв. М.; Л., 1966, с. 9.

³⁶ Высокая оценка Ликурга восходит, очевидно, к Мабли. См.: Лотман Ю. М. Радищев и Мабли. — В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.; Л., 1958, с. 285, 289, 291, 292.